

65 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

«БОЛЬШАЯ ТРОЙКА» В 1941–1945 ГГ.: НЕФОРМАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

И.В. Быстрова

Центр военной истории России
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В основе статьи лежит проблема личных контактов между советскими, американскими и британскими лидерами и дипломатами в годы войны 1941–1945 гг., их форм, особенностей, эволюции. Главными источниками являются документы из личного архива И.В. Сталина, фондов В.М. Молотова, И.М. Майского, агентов наркомата иностранных дел, документы Коммунистической партии СССР, НКВД. Используются также некоторые архивные документы с американской стороны, в частности, из коллекции Объединенного комитета начальников штабов, хранящиеся в Национальном архиве в Вашингтоне.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Большая тройка, военно-дипломатическое сотрудничество, личный контакт.

Из беседы И.В. Сталина с английским послом А. Керром, 2 февраля 1943 г.:
«Керр заявляет, что Черчилль просит его передать свои приветствия Маршалу Сталину.

Т. Сталин благодарит.

Керр говорит, что Черчилль был очень доволен тем посланием, которое т. Сталин передал ему через Бенеша (президент Чехословацкой Республики. – *И.Б.*). Бенеш сказал, что Маршал Сталин шлет Черчиллю поцелуй. Черчилль просил его, Керра, передать ответный поцелуй Маршалу Сталину. Он, Керр, хотел бы знать, желает ли Маршал Сталин, чтобы это было сделано устно, или он, Керр, действительно должен поцеловать Маршала Сталина.

Т. Сталин отвечает, что он хочет равенства. Черчиллю через Бенеша поцелуй был передан устно» (1).

В последние годы увидели свет немало отечественных и зарубежных исследований и документальных публикаций, так или иначе касающихся личных взаимоотношений лидеров «Большой тройки» (СССР, США, Великобритания) в годы Второй мировой войны (2). Насколько же личными, насколько искренними были взаимоотношения между лидерами, дипломатами, военными стран, которые помимо своей воли из врагов превратились в союзников перед лицом общей угрозы фашизма? Как представляли они себе друг друга и как изменялись эти представления под влиянием реалий военного сотрудничества?

Даже из официальных записей бесед между дипломатами и лидерами можно представить себе, как «страшный диктатор» И.В. Сталин становился более «человечным», проявлял искренние эмоции в ответ на блестящий английский юмор посла Великобритании А. Керра. Более неуступчивым и жестким в личном общении казался В.М. Молотов. Он слабее реагировал на юмор и в целом выглядел более серьезным. В жесткой форме протестовал Молотов против обращения с русскими как с «колониальным народом» (что часто допускали английские моряки, приходившие с конвоями и проживавшие в Мурманске и Архангельске), в его лексиконе встречались довольно крепкие выражения. Как ехидно отметил А. Керр в заключительной беседе со Сталиным 25 января 1946 г., «когда Молотов в хорошем настроении, с ним очень приятно поговорить» (3) (напрашивается подозрение, что когда Молотов был в дурном настроении, общаться с ним было весьма неприятно).

О первом впечатлении У. Черчилля и И.В. Сталина друг о друге можно судить из следующей оригинальной записи в дневнике В.М. Молотова. Напомним, что Черчилль долгое время считался в СССР «врагом номер 1», в частности, преподносился в «Кратком курсе истории ВКП(б)» как один из главных врагов Советской Республики, организовавший интервенцию в виде «похода 14 держав Антанты» в 1919 г.

Из дневника В.М. Молотова: «Прием В.М. Молотовым А.К. Керра, 19 августа 1942 г.: ...Керр говорит, что он вынес впечатление, что в результате последней беседы Черчилля с т. Сталиным между ними установились хорошие личные отношения. Он, Керр, придает этому особенное значение.

Т. Молотов спрашивает, каковы впечатления Черчилля.

Керр отвечает, что он, Керр, был на даче в последний вечер. Черчилль пригласил его на ужин в половине 9-го. Керр считал, что если Черчилль придет к ужину точно к половине 9-го, то это будет плохим признаком. Но Черчилль опаздывал, и настроение Керра повышалось. Черчилль вернулся домой только в половине 4-го утра. Первое, что сделал Черчилль, когда вернулся – он бросился на один из больших диванов и сказал: “У меня очень сильная головная боль, но, ей-богу, это стоило”. Затем Черчилль передал

Керру вкратце содержание беседы. Черчиллю казалось, что он достиг очень многого в установлении личных отношений со Сталиным. Он был счастлив. Настроение Черчилля напоминало настроение молодого человека, сделавшего предложение, которое было принято. Керр спрашивает Молотова, является ли такое настроение взаимным.

Т. Молотов отвечает, что, по его впечатлению, взаимность была достигнута.

Керр говорит, что на Черчилля Сталин произвел впечатление не только как государственный человек, но и как человек.

Черчилль говорит, что ему нравится Сталин, и он, в свою очередь, хочет, чтобы он понравился Сталину.

Т. Молотов отвечает, что личные симпатии и взаимопонимание имеют большое значение для совместной работы.

Керр отвечает, что теперь для Черчилля легче будет обращаться непосредственно к т. Сталину, так как он знает его стиль.

Т. Молотов отвечает, что как т. Сталин, так и Черчилль имеют сложившийся стиль в работе и в подходе к вопросам, и каждый из них, вероятно, будет писать в своем собственном стиле, но впечатление от встречи будет помогать в нахождении лучшего подхода и взаимопонимания вопросов, которые еще предстоит обсудить в очень сложной обстановке. Переговоры и беседы проходили не всегда гладко, но ему, т. Молотову, кажется, что это скорее плюс, чем минус, так как в этих откровенных переговорах выявились мнения сторон.

Керр говорит, что ему кажется, что расхождения во мнениях увеличили уважение Черчилля к Сталину. Ему, Керру, кажется, что Черчилль нашел в Сталине все динамические качества, которыми он обладает сам, и это его, Черчилля, поразило. На Черчилля произвела впечатление быстрота, с которой Сталин схватывал отдельные моменты переговоров, и быстрота, с которой он указывал на сильные и слабые стороны этих моментов. Поэтому он, Керр, принимавший небольшое участие в приезде Черчилля, считает, что его поездка была положительным фактором.

Т. Молотов отвечает, что он надеется, что результаты будут хорошими» (4).

Личные вопросы, в частности состояние здоровья самих участников дипломатических приемов и других их общих знакомых, постоянно затрагивались в этих беседах, что объяснялось не только соображениями этикета, но и чисто человеческим любопытством, сочувствием и другими эмоциями. К примеру, во время встречи И.В. Сталина с британским послом А. Керром и послом США А. Гарриманом 23 сентября 1944 г. Гарриман заявил: «Президент (Ф. Рузвельт. – И.В.) просил генерала Харли переговорить также с Маршалом Сталиным о том, что Маршал Сталин думает по поводу возможности встречи с Президентом и Черчиллем в какое-нибудь время в ноябре,

так как это время года исключает встречу на Аляске, Президент предлагает район Средиземного моря.

Т. Сталин отвечает, что встреча желательна, но дело в том, что за последнее время он, т. Сталин, стал все чаще и чаще болеть. Недавно, вернувшись из поездки на фронт, он заболел. Раньше у него, т. Сталина, грипп продолжался один-два дня, а теперь он длится полторы-две недели. Возраст сказывается.

Гарриман заявляет, что он об этом очень сожалеет, и он уверен, что Президент также будет об этом сожалеть...

Гарриман говорит, что, может быть, все-таки климат Средиземного моря будет полезным для Маршала Сталина.

Т. Сталин отвечает, что вообще ему трудно переносить большие поездки. Например, когда он, т. Сталин, летел на высоте 4 тыс. м из Ирана, у него в течение двух недель болели уши.

Т. Молотов говорит, что т. Сталину нужно беречь свое здоровье. Таково мнение всех коллег т. Сталина.

Т. Сталин говорит, что его вполне может заменить Молотов, который является его первым заместителем» (5).

Обсуждению личных проблем, обмену подарками обычно отводилась заключительная часть беседы (при этом не исключено, что эти вопросы затрагивались и в ходе бесед, что не всегда фиксировалось официальными протоколами). В качестве характерного примера можно привести выдержки из записи беседы И.В. Сталина с американским послом Б. Стэндли и английским поверенным в делах Баггалеем 26 января 1943 г. «Сталин спрашивает, как выглядит президент и как его здоровье.

Стэндли отвечает, что он виделся с президентом и на нем не видно следов напряжения.

Т. Сталин спрашивает, как здоровье Гопкинса (личный представитель Президента США, 30–31 июня 1941 г. вел в Москве переговоры со Сталиным и Молотовым об американских поставках СССР. – *И.Б.*). Полгода назад его считали обреченным.

Стэндли отвечает, что он виделся с Гопкинсом, беседовал с ним. Гопкинс выглядит хорошо. Он недавно женился. Он, Стэндли, видел также Гарримана. Как Гопкинс, так и Гарриман шлют И.В. Сталину свой привет.

Т. Сталин благодарит.

(В заключение беседы) Стэндли говорит, что он хотел бы передать т. Сталину в качестве подарка от американских друзей зажигалку, сделанную в одной из авиационных мастерских в Эритрее из алюминия, который идет на изготовление пропеллеров.

Т. Сталин принимает зажигалку и благодарит Стэндли.

Затем Стэндли говорит, что от американских друзей И.В. Сталина в США он привез в подарок И.В. Сталину табак. Он пошлет этот табак И.В. Сталину через В.М. Молотова.

Т. Сталин спрашивает, действительно ли у него, И.В. Сталина, так много друзей в Америке.

Стэндли отвечает, что И.В. Сталин имеет в Америке много почитателей» (6).

знаком уважения со стороны советского вождя к «сединам» Стэндли – довольно пожилого человека – явилось особое разрешение на прилет из США в Москву самолета Стэндли (как сообщил американский посол Молотову, это была гражданская двухмоторная машина типа «Дуглас») – первого самолета, который прилетел через Аляску в Москву под управлением американских летчиков (это случилось в июле 1943 г.). В беседе с Молотовым от 23 июля Стэндли поблагодарил советские власти за содействие, оказанное новому советнику посольства США Гамильтону, который прилетел в Москву на самолете посла. Стэндли сообщил, что он «уже был на аэродроме и осматривал свой самолет, который ему очень понравился. Самолет прекрасно оборудован и имеет все удобства. Если бы Молотов когда-либо захотел совершить небольшую прогулку, он, Стэндли, был бы очень рад предоставить ему свой самолет. Во всяком случае, Стэндли хотел бы, чтобы Молотов, когда найдет время, осмотрел его самолет. Молотов отвечает, что он с удовольствием осмотрит самолет Стэндли, когда будет иметь время» (7).

Дипломатические представители США и Великобритании наиболее тесно и непосредственно общались с В. Молотовым, А. Вышинским, В. Павловым (переводчиком, представителем Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР). Личные отношения сложились у них и с И.В. Сталиным: регулярно шел обмен подарками, послы хорошо знали привычки советского вождя. К примеру, в конце беседы со Сталиным 5 ноября 1942 г. Керр обратился к Сталину с просьбой, которая, по выражению англичанина, «его удивит. Керр просит дать ему в руки на несколько минут трубку И.В. Сталина. Он, Керр, хотел бы начертить контур этой трубки с тем, чтобы заказать для И.В. Сталина трубку в Лондоне у своего очень хорошего мастера.

Т. Сталин благодарит Керра и передает ему для этой цели свою трубку» (8).

Одним из любимых предметов, которые дарили американцы, были кинофильмы (в частности, посол США Б. Стэндли передал Сталину кинокартину «Диктатор» с участием Ч. Чаплина, сотрудник американского посольства Янг привозил в СССР ряд фильмов американского производства, прежде всего для «развлечения» самих представителей США, подолгу оторванных от родины и жаждавших посмотреть что-либо на английском языке).

Обмен подарками стал регулярным, практически ритуальным действием. При этом беседы советского вождя и английского посла выделялись из общего ряда официальных встреч и носили чем дальше, тем более «неформальный характер» (см. выше эпиграф к данной статье).

В заключительной беседе И.В. Сталина с послом Великобритании А. Керром 25 января 1946 г. они трогательно вспоминали об их первой встрече: англичанин «заявил, что он видится с Генералиссимусом Сталиным в последний раз, он что он, Керр, хотел бы, чтобы Генералиссимус Сталин побывал как-нибудь в Лондоне.

Керр говорит, что он покидает Москву с печалью в душе. Не хватает всего лишь нескольких недель до четырех лет, в течение которых он пробыл в Москве. Он, Керр, очень хорошо помнит свою первую встречу с Генералиссимусом Сталиным в бомбоубежище Кремля. Он, Керр, был очень благодарен немцам за то, что они устроили тогда налет на Москву потому, что благодаря этому он, Керр, имел возможность беседовать с Генералиссимусом Сталиным в течение 2,5 часов.

Т. Сталин говорит, что Керр не хотел идти в бомбоубежище и что он, т. Сталин, уговорил его сделать это.

Керр говорит, что он это очень хорошо помнит. Он также помнит, что когда Молотов и он пришли в бомбоубежище, Генералиссимус Сталин уже был там. Как это случилось, для него, Керра, всегда оставалось тайной. Может быть теперь, когда он, Керр, уезжает, Генералиссимус Сталин откроет ему эту тайну.

Т. Сталин отвечает, что он этого сейчас не помнит, но возможно, что он просто пришел в бомбоубежище на две минуты раньше» (9).

Советский лидер поздравил Керра с полученным им незадолго до этого титулом лорда.

В ответ на это Керр со свойственным ему юмором отметил, что «во время одного из приемов, – это было уже в 4 часа утра, – Генералиссимус Сталин обещал дать ему, Керру, звание князя и княжество на Кавказе. При этом Генералиссимус Сталин заметил, что к лицу Керра очень пойдет корона. Черчилль помнит об этом и как-то спрашивал его, Керра, не получил ли он уже княжество. Он, Керр, однако не рассматривает это как обязательство со стороны Генералиссимуса, но есть одна вещь, которую он хотел бы получить в подарок перед своим отъездом. Он уже говорил об этом Молотову. Речь идет о выезде из Советского Союза четырех жен британских подданных...

Т. Сталин говорит, что некоторые из жен британских подданных, уехавшие из Советского Союза, снова вернулись в Советский Союз.

Т. Молотов замечает, что из этих жен в Советский Союз вернулась одна, а другая не может найти в Лондоне своего мужа, который ее бросил.

Керр говорит, что мужья иногда убегают от своих жен, и это случается даже в высокопоставленном обществе. Он, Керр, был бы очень благодарен, если бы был разрешен выезд четверем женам, мужья которых постоянно надоедают ему своими письмами.

Т. Сталин отвечает, что это можно устроить» (10).

Этот весьма живой диалог свидетельствовал о сложившихся отношениях между Сталиным и Керром, которые весьма живо обсуждали житейские проблемы, окрашенные, впрочем, в идеологические тона (Сталин и Молотов подчеркивали факты возвращения советских гражданок, не нашедших счастья в Великобритании, обратно в СССР).

В заключение беседы Сталин спросил Керра, что он хотел бы получить в подарок на память. Далее состоялся обмен репликами, который можно расценить как выражение взаимной привязанности между собеседниками:

«Керр говорит, что он хотел бы получить от Генералиссимуса Сталина фотографию с надписью красным карандашом.

Т. Сталин говорит, что он сделает надпись чернилами.

Керр говорит, что он очень просит Генералиссимуса Сталина сделать надпись красным карандашом, так как он очень привык его всегда видеть с красным карандашом в руках.

Т. Сталин спрашивает, не хочет ли Керр получить какое-либо вино в дорогу, и если да, то какое именно.

Керр отвечает, что он был бы очень благодарен за это и говорит, что он как серьезный человек предпочитает коньяк.

Керр просит Молотова подарить ему фотографию.

Молотов обещает это сделать.

Прощаясь, т. Сталин говорит, что Керр и он может быть еще когда-нибудь встретятся.

Керр отвечает, что он разделяет эту надежду» (11).

Далее, согласно записи в дневнике В.Н. Павлова о посещении британского посла А. Керра 26 января 1946 г. в 17 час., «по поручению тов. В.М. Молотова» автор посетил А.К. Керра в британском посольстве и вручил ему портреты тов. И.В. Сталина и тов. В.М. Молотова.

На портрете И.В. Сталина сделана была надпись: «Другу Советского Союза лорду Керру. И. Сталин. 25.1.46 г.», а на портрете тов. В.М. Молотова: «Сэр А.К. Керру с наилучшими дружественными пожеланиями. В. Молотов. 16 января 1946 г.» (12).

Из последующих личных писем Керра в адрес Сталина становится очевидной и судьба таких подарков советского вождя, как коньяк, шкура барса и др.

Вместе с тем отношения военных и дипломатических представителей союзников с советской стороной были далеки от идиллии. Англичане и американцы, работавшие в СССР, находились под постоянным контролем со стороны органов безопасности и были практически лишены возможности вступать в контакты с «простыми» советскими людьми. Положение посла в Москве в наиболее блестящей форме обрисовал все тот же А. Керр, который по живости и образности изложения не имел себе равных среди всех представителей союзников. В беседе с И.В. Сталиным от 24 февраля 1943 г. этот

сюжет был изложен следующим образом: «Керр говорит, что... он несчастливый посол. Он ни с кем не видится и ни с кем не говорит, кроме своих сотрудников. Он, Керр, черпает свою духовную пищу только из своих разговоров с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, Вышинским и Павловым. Эти беседы дают очень многое. Но это единственные люди, с которыми он говорит. Он, Керр, хотел бы расширить круг своих знакомых.

Т. Сталин говорит, что это придет. Дело в том, что у нас мало людей, знающих английский язык, а в английской миссии мало людей, знающих русский язык... Язык – говорит т. Сталин, – вот что мешает.

Керр говорит, что если это окупится, то он готов изучить русский язык. Дело в том, что в Лондоне его все спрашивали, что за люди русские. Он им описывал И.В. Сталина и В.М. Молотова... Он хотел бы видеть рабочих, работающих на советских заводах...».

«Т. Сталин спрашивает Керра, разве кто-нибудь мешает ему в этом? Мы поможем Керру в этом отношении. Он скромн. Американцы – те более смелые люди. Они просят все им показывать...

Т. Сталин добавляет, что Рузвельт всех, кого он посылает в СССР, назначает специальными представителями президента. Это по его, т. Сталина, мнению, неправильно.

Керр смеется и говорит, что Черчилль, например, этого не делает.

Т. Сталин отвечает, что Черчилль более серьезно относится к этому. Англичане и американцы разные по характеру люди, хотя они и имеют общий язык» (13).

Несмотря на жалобы «дипломатического корпуса», никаких изменений в положении представителей союзников в течение всей войны так и не произошло. Незадолго до своего окончательного отъезда из Москвы в беседе со Сталиным 25 января 1946 г. Керр снова вернулся к теме «одиночества посла»: «Если иностранному послу в Москве не везет в коллегам, то он будет чувствовать себя в Москве очень одиноким. От времени до времени стимулом для него служат визиты к Генералиссимусу Сталину и Молотову. Но в настоящее время иностранный посол в Москве вынужден общаться лишь со своими сотрудниками или своими коллегами, которых он, Керр, за исключением Гарримана (посол США в СССР. – *И.Б.*), считает очень нудными людьми. Поэтому в интересах хороших настроений среди послов... он просил бы Генералиссимуса Сталина расширить круг знакомых иностранных послов в Москве, включив в него писателей, врачей, ученых – представителей интеллигенции, с которыми всегда приятно бывает иметь общение.

Т. Сталин спрашивает Керра, что нужно для этого сделать. Может быть, основать клуб?

Керр отвечает, что в этом нет нужды. Ему приходилось встречаться с очень интересными людьми на приемах, устраиваемых Молотовым. Но ока-

зывалось, что люди не хотели посещать посольство. Когда он, Керр, приглашал их к себе, они очень любезно отвечали согласием, но не приходили. Он, К., думает, что если можно было бы намекнуть как-либо, что с послами можно заводить дружбу, возможно советские люди стали бы приходить в посольство и положение сразу бы резко изменилось.

Т. Сталин говорит, что, следовательно, по мнению Керра, советские люди боятся приходить в посольство.

Керр отвечает утвердительно.

Т. Сталин благодарит Керра за совет и говорит, что это можно будет сделать» (14).

Однако реально в этом отношении ситуация не изменилась.

Напряженная обстановка вокруг дипломатического «корпуса» США сложилась на советском Дальнем Востоке. Особое возмущение «слежкой» за представителями американских союзников выражал генеральный консул США во Владивостоке А.И. Уорд, который в отличие от А. Керра был известен своими «антисоветскими настроениями». Ярким документальным свидетельством накаленных отношений между американским представителем и местными властями на Дальнем Востоке является дневник бесед дипломатического агента Наркомата иностранных дел С. Дюкарева с американским Генконсулом во Владивостоке. К примеру, в беседе от 14 января 1944 г. Уорд заявил, что он давно собирался еще раз рассказать о «невыносимом режиме», который испытывали на себе все работники американского консульства: «За мной и всеми американцами во Владивостоке установлена слежка “архангелов”, которых я знаю всех в лицо. Я знаю адреса тех домов, расположенных вблизи консульских жилых домов, из которых осуществляется эта слежка, как за сотрудниками консульства, так и за всеми входящими и выходящими людьми в консульство и в мою квартиру. Я не только номера, но знаю и «в лицо» все автомашины, которые сопровождают автомашины консульства».

По утверждению Уорда, «11 января, офицер Штаба ТОФ’а (Тихоокеанского флота. – И.Б.), командир конвойной службы т. Берестецкий и сотрудник консульства Руллард осматривали посещения парохода американского производства “Севастополь”. Во время беседы в каюту капитана вошел человек, которого капитан смущенно приветствовал как своего родственника, моряка по профессии. Руллард узнал в этом “моряке” своего “следопыта”».

Дюкарев отбивался: «Я сказал Уорду, что он очень хорошо рассказывает, а сказки выдает за быль, и посоветовал ему рассказывать подобные сказки в другом месте.

Уорд порекомендовал мне, только для моего личного сведения, убедиться в правоте его слов. Он попросил моего разрешения «притащить за шиворот в Дипагентство одного из “архангелов” и представить мне возмож-

ность установить его личность и занятие. Он просил проверить, кто живет в доме на углу Суйфунской и Сухановской улиц, а также в доме, что стоит напротив консульства.

Я просто махнул рукой и перевел разговор на другую тему» (15).

В беседе от 7 марта 1944 г. Уорд снова завел разговор о пресловутом «режиме».

«Мы живем, говорил он, в условиях полнейшей изоляции, мы ни к кому не ходим и никого у нас не бывает из порядочных людей, поэтому наши ребята осуществляют свои общественные связи наскоком и с людьми какие попадутся под руку или только с теми, которые имеют специальное разрешение на встречу с иностранцами. В Москве мы таких людей, “допущенных” к знакомству с иностранцами, называли “морскими котиками”, т.е. людьми, которые выдрессированы настолько, что они похожи на этих животных, демонстрируемых в цирках. Я люблю русских, иначе я ни одного дня не оставался бы во Владивостоке, я знаю и ценю их гостеприимство в дореволюционное время, но что происходит сейчас, не понимаю, на нас смотрят как на врагов. Советские люди боятся за последствия каждой встречи с иностранцами, и, чтобы не подводить их, я теперь каждого предупреждаю, что я иностранец, американец, и поэтому будьте осторожны, так как Вам могут быть неприятности за разговор со мной.

...Я вспоминаю знаменитый для меня день 2 апреля 1943 г., когда я, по случаю отъезда Теккера и приезда Рулларда, попытался устроить небольшой чай-коктейль и пригласил на него нескольких гостей. Вы вероятно помните, что на него пришли только 4 человека, а остальные оказались “занятыми” и “больными”. Я воспринял это как пощечины, которые горят на моем лице и по сей день.

...Я припоминаю свои отношения с бывшим дипагентом Руновым... Рунов всячески избегал встреч со мной вне стен дипагентства. Он, увидев меня в городе, обычно переходил на другую сторону улицы, а если этого нельзя было сделать, то отворачивался от меня и ни разу не поздоровался со мной на людях.

...Он подчеркнул несколько раз, что такое положение американцев в Москве и Владивостоке страшно угнетает их, и они теряются в догадках, чем объяснить такое отношение советских властей к иностранцам вообще и к американцам в частности».

С. Дюкарев комментировал заявления Уорда следующим образом: «Я сказал консулу, что хотя он и прожил долго в СССР, он до сих пор не понял русского народа и сущности его гостеприимства, сочетаемого с исключительной простотой и скромностью, но основанного на простоте и искренности... Я не верю, чтобы консул так глубоко обиделся на тех, которые не могли прийти к нему в гости 2 апреля 1943 г. Знаю, что большинство из них были действительно заняты и только один из них недавно в разговоре со

мною признан, что он не мог принять Ваше приглашение только потому, что по квартирно-бытовым условиям он не может в свою очередь пригласить консула к себе в гости. Поэтому он и не посчитал себя вправе воспользоваться Вашим гостеприимством».

«Жалоб консула не скуку во Владивостоке я не принимаю, так как в городе много зрелищных предприятий; имеется хороший театр, устраивается много концертов; демонстрируются хорошие кинокартины, однако я ни разу не видел консула и его жену ни в театрах, ни на концертах, ни в кино...

В заключение я заметил ему, что я нахожу его заявление о неприличных кличках для советских людей, которые имеют с ним служебно-личные дела, циничными, и что он с таким отношением к советским людям далеко не продвинется в установлении широких общественных связей в СССР, так как каждый уважающий себя советский человек будет просто избегать знакомства с ним, чтобы не попасть в эту, как он сам охарактеризовал, позорную категорию дрессированных животных» (16).

В 1944 г. Уорд совершил длительную поездку на поезде через всю страну (Владивосток–Москва–Владивосток), впечатлениями от которой он поделился с С. Дюкаревым в беседе от 24 июня 1944 г. «Антисоветские» настроения посла выразились в том, что он отмечал низкий уровень жизни советских людей, которые на станциях торговали чем могли, пытаясь выручить хоть что-либо за продукты сельскохозяйственного производства. При этом Дюкарев был вынужден признать, что Уорд – очень наблюдательный человек: «он перечислил мне все марки паровозов, которые доставляли состав до Москвы и обратно (и даже точно назвал, на каких именно участках), вывел «графики движения рыночных цен» (17) и т.д.

Советское руководство не прошло мимо «антисоветских» выступлений представителя США. Об этом свидетельствует, в частности, аннотация на дневник бесед дипагента НКВД во Владивостоке С. Дюкарева с генконсулом США Уордом за время с 14 января по 7 марта 1944 г. В документе отмечалось: «Верный своим антисоветским взглядам, Уорд при каждом удобном и неудобном случае старался подчеркнуть, что для него созданы невыносимые условия для работы, что за ним следят на каждом шагу, что его работников преследуют «следопыты». «Хамское поведение Уорда при беседах с нашими официальными представителями, его враждебные замечания в адрес советских людей перешли все границы. Уорд давно известен как один из злейших наших врагов, которыми Госдепартамент укомплектовал штаты американского посольства в Москве (Гендерсон, Пейдж и др.), но кажется, он никогда еще не вел себя так открыто, нагло и цинично, как за последнее время... Поэтому возникает вопрос о том, не должны ли мы, собрав материал о всех антисоветских высказываниях Уорда, сделать соответствующее представление Гарриману. Для начала можно бы ограничиться осторожным

намеком при беседе с Гарриманом на то, что мы недовольны поведением Уорда в СССР и что своей работой Уорд наносит серьезный вред делу укрепления советско-американских отношений. Если и после такого предупреждения Уорд будет продолжать вести себя также хамски... тогда придется потребовать его отставки.

Аннотировал – Чувахин.

Зав. отд. американских стран – Зарубин» (18).

В результате Уорд вскоре был замещен на должности генконсула Клаббом (прибыл во Владивосток 22 августа 1944 г.), который, как казалось, был настроен более лояльно в отношении советских людей.

Довольно напряженные отношения складывались подчас и между военными представителями союзников, которые должны были работать в тесном контакте. Между ними неоднократно возникали конфликты и «недоразумения».

Так, в беседе с И.В. Сталиным 2 июля 1942 г. американский посол Б. Стэндли жаловался, что «он уже пробыл в СССР три месяца и в течение этих трех месяцев он испытывал задержки, препятствия и трудности со стороны некоторых... советских органов в удовлетворении пожеланий посольства». «Например, военно-морской атташе американского посольства лишь через неделю добился разрешения своего выезда из Куйбышева в Мурманск для оказания помощи американским морякам, пострадавшим от бомбардировок и обмороживания. Затем тот же американский военный атташе лишь через месяц смог получить разрешение на свой выезд из Куйбышева в Москву...

Т. Сталин говорит, что это недоразумение. Во избежание подобных недоразумений в будущем он, т. Сталин, предложил бы, чтобы американским представителям было дано разрешение на выезд в нужный пункт СССР без запроса пропуска в каждом отдельном случае. При этом американские представители должны лишь, конечно, нас предупредить, когда они желают выехать» (19).

Аналогичными были и настроения среди англичан. К примеру, в беседе со Сталиным от 28 марта 1942 г. А. Керр жаловался, что «британские люди, работающие в СССР, недовольны нашими людьми. Керр говорит, что он беседовал со своим новым другом Макфарланом. Он выражал удовлетворение приемом, оказанным ему на Севере и при поездке на фронт. Он хотел бы поближе подойти к советским людям и работать с ними в более тесном контакте. Но ему иногда кажется, что его держат на расстоянии руки от советских людей. Макфарлан считает, что совместная работа наших генштабов недостаточно тесная...»

На это И.В. Сталин ответил, что, возможно, «сотрудничество наших штабов недостаточно тесное. Относительно Макфарлана и британских людей, работающих в России, т. Сталин говорит, что между англичанами и

русскими есть некоторые недоразумения. Эти недоразумения объясняются тем, что англичане и русские не совсем друг друга понимают. Русские, особенно военные, сильно заняты, мало спят. Фронт большой и требует к себе постоянного внимания. Это не всегда понимают англичане. Макфарлан обижается, что он мало встречается с русскими, мало веселится с ними. С другой стороны, есть ошибки, грубости и недостатки со стороны русских. Например, люди Макфарлана попросили показать им ПВО Москвы. Русские почему-то отказали. Макфарлан думает, что есть приказ не показывать. Систему ПВО Москвы показать можно – это чепуха. Т. Сталин говорит, что Макфарлан делает поспешные выводы... т. Сталин заявляет, что может быть Макфарлан хочет осмотреть еще что-нибудь, например, образцы трофейного вооружения. В этих случаях он должен обращаться не к малым людям, которые воспитаны в том духе, что все секретно, а... к т. Шапошникову, т. Василевскому, к нему, т. Сталину» (20).

Существенные конфликты были связаны, по свидетельствам очевидцев, с неуважительным отношением военных представителей союзников (прежде всего речь шла об англичанах) к русским, с которыми им приходилось постоянно сотрудничать в ходе военных действий. Один из таких конфликтов нашел отражение в беседе И.В. Сталина с А. Керром и послом США А. Гарриманом 23 сентября 1944 г., где, в частности, обсуждался вопрос о создании в Москве трехстороннего комитета по координации действий союзников. Приведем часть этого документа.

«Т. Сталин спрашивает, кого предполагается включить с английской и американской стороны в предполагаемый трехсторонний комитет.

Гарриман отвечает, что с американской стороны будет назначен генерал Дин.

Керр говорит, что с английской стороны будет назначен генерал Бэрроус.

Т. Сталин говорит, что наши военные не доверяют генералу Бэрроусу. Они не смогут с ним работать. Генерал Бэрроус не уважает наших военных, и они его не уважают.

Керр отвечает, что ему казалось, что это уже относится к прошлому. Ему, Керру, было известно, что вначале были трудности во взаимоотношениях Бэрроуса с советскими офицерами, но теперь они как будто устранены. Согласно последним сведениям, у Бэрроуса в результате его поездки на фронт установились хорошие отношения с советскими офицерами.

Т. Сталин говорит, что, к сожалению, это не так... Если Керр помнит, то впервые Бэрроус напросился на прием к Маршалу Василевскому, когда Маршал Василевский находился в Крыму. Маршал Василевский в то время решительно отказался встретиться с генералом Бэрроусом, и встреча не состоялась. Генерал Бэрроус вторично просил о встрече, когда Маршал Василевский находился в Прибалтике. Он, т. Сталин, заставил Маршала Василевского принять генерала Бэрроуса.

Он, т. Сталин, хочет, чтобы Керр верил, что он, т. Сталин, говорит, что дело не в том, чтобы хвалить Красную Армию. У Красной Армии много ошибок. Дело в том, что генерал Бэрроус смотрит на наших людей как на дикарей. Это обижает наших людей и делает невозможным сотрудничество с генералом Бэрроусом.

Керр говорит... что Британскому Правительству необходимо отозвать генерала Бэрроуса» (21).

Несмотря на углубленные личные контакты между лидерами, достичь согласия во многих вопросах было непросто. Одна из коллизий, свидетелемствовавших о реальной мере «доверия» между союзниками, возникла в связи с полетами американских самолетов над советской территорией. С октября 1942 г. начала функционировать трасса «Аляска–Сибирь» (АлСиб), по которой американские самолеты, поставлявшиеся по ленд-лизу, перегонялись в СССР.

Президент США Ф. Рузвельт предлагал И.В. Сталину, чтобы американские самолеты пилотировались американскими летчиками до озера Байкал. Сталин в ответ довольно ехидно отметил: «Должно быть, президент полагает, что мы не в состоянии выделить своих летчиков для этой цели?». Он предложил, чтобы русские летчики принимали американские самолеты в Номе и оттуда пилотировали их в СССР, мотивируя это тем, что «советским летчикам легче это сделать, так как они хорошо знают трассу и условия полета по этой трассе». Руководство СССР явно стремились предотвратить полеты американцев над своей территорией (однако Сталин согласился, что американские пилоты могли «сопровождать» советских летчиков в полетах) (22). Была укреплена инфраструктура сибирских аэродромов Красноярской воздушной трассы (Уэлькаль, Сеймчан, Якутск и Киренск). С октября 1942 г. до начала 1943 г. по АлСибу в среднем отправляли 132 самолета в месяц (всего было отправлено 1185 самолетов) (23).

Беспокоили советское руководство и «вынужденные посадки» американских самолетов на советском Дальнем Востоке, связанные с боевыми действиями между США и Японией. При первом таком инциденте в 1942 г. нарком иностранных дел Молотов в жесткой форме заявил руководству США решительный протест (в беседе с послом Стэндли 25 апреля 1942 г.) и потребовал, чтобы посадки американских самолетов на советской территории больше не повторялись (24).

Однако в 1944 г. такие инциденты участились и встал вопрос: что делать с американскими самолетами и летчиками. Подробные донесения мы находим в дневниках дипломатического представителя НКВД во Владивостоке, которые открывают перед нами малоизвестные аспекты взаимоотношений между американцами и русскими – военными и дипломатами – в специфических условиях Дальнего Востока. С одной стороны, из ежедневных донесений советских дипагентов следует, что американцы

пытались скрыть свои истинные намерения, вели себя двусмысленно. С другой стороны, экипажи самолетов сразу после посадки «отделялись» от самолетов, и им не давали более доступа к их машинам. Летчики интернировались и отправлялись в советский тыл, в Ташкент, откуда совершали попытки к бегству, о чем имеются подробные свидетельства в американских документах.

Вместе с тем в ходе вынужденного пребывания на советской территории американцы вступали в неформальные контакты с советскими военными – совместно отдыхали, больше узнавали друг о друге.

«Дальневосточные» коллизии во взаимоотношениях союзников имели под собой сложную военно-дипломатическую основу. Президент Рузвельт неоднократно пытался «склонить» Сталина к войне против Японии, но СССР твердо соблюдал пакт о нейтралитете вплоть до окончательного разгрома Германии: воевать на два фронта для СССР было невыносимо. В связи с этим во Владивостоке возникали любопытные ситуации во взаимоотношениях дипломатических представителей США, Японии и Китая, отраженные в донесениях дипломатических агентов НКВД СССР.

Этот клубок военно-дипломатических противоречий был «распутан», когда СССР после победы над Германией вступил в войну с Японией с августа 1945 г. и внес важнейший вклад в завершение войны на Тихом океане и в целом Второй мировой войны ко 2 сентября 1945 г. Следующий раунд противоречий в этом регионе, связанный с холодной войной – тема для отдельного исследования.

В целом документы показывают, что, несмотря на боевое содружество на полях сражений, «лед недоверия» между союзниками не растаял до конца, противоречия тлели под оболочкой дружбы и сотрудничества. Тем не менее, война сформировала своеобразную модель неформальных отношений «лидер к лидеру», «человек к человеку» между СССР, США и Великобританией. Представители стран-союзниц, вступавшие непосредственно в личные контакты, больше узнавали друг о друге. Изучение архивных документов позволяет по-новому увидеть, как формировались и изменялись в ходе человеческого общения взаимные представления лидеров, дипломатов, военных из СССР, США и Великобритании в годы Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 284. – Л. 81.
- (2) См., например: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. – М., 2004; *Он же.* Кто был кто в Великой Отечественной войне. – М., 2003; *Он же.* Война и дипломатия. – М., 1997; Советско-американские отношения: 1939–1945. – М., 2004; Вторая мировая война в вос-

поминаниях У. Черчилля, Ш. Де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е.Я. Трояновская. – М., 1990; *Фейс Г.* Черчилль, Рузвельт, Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. – М., 2003. Секретная переписка между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. – М., 2005; *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина: Документы и материалы. – М.; СПб, 2003. – С. 303–383.

- (3) РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 284. – С. 128.
- (4) Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 06. – Оп. 4. – Пор. 129. – П. 14. – Л. 74–75.
- (5) РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 377. – Л. 61.
- (6) Там же. – Д. 379. – Л. 37–38.
- (7) АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 5. – Пор. 334. – П. 29. – Л. 36–37.
- (8) РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 284. – Л. 21.
- (9) Там же. – Л. 122.
- (10) Там же. – Л. 127.
- (11) Там же. – Л. 129.
- (12) Там же. – Л. 132.
- (13) Там же. – Л. 48–49.
- (14) Там же. – Л. 128–129.
- (15) АВП РФ. – Ф. Референтура по США. – Оп. 28. – Пор. 12. – П. 155. – Л. 21.
- (16) Там же. – Л. 25 об – 26.
- (17) АВП РФ. – Ф. Референтура по США. – Оп. 28. – Пор. 12. – П. 155. – Л. 49.
- (18) Там же. – Л. 35–36.
- (19) РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 379. – Л. 19.
- (20) Там же. – Д. 284. – Л. 5–6.
- (21) Там же. – Д. 379. – Л. 59–62.
- (22) АВП РФ. – Ф. 6. – Оп. 4. – Д. 236. – П. 22. – Л. 23–24.
- (23) *Сунрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. – М., 1997. – С. 155.
- (24) АВП РФ. – Ф. 6. – Оп. 4. – Д. 236. – П. 22. – Л. 15.

THE «BIG THREE» IN 1941–1945: THE INFORMAL SIDES OF MILITARY-DIPLOMATIC COOPERATION

I.V. Bystrova

Center of Military History of Russia
The Institute of Russian History RAS
Dm. Uljanova Str., 19, Moscow, Russia, 117036

In the core of the article is the problem of personal contacts between Soviet, American and British leaders, military and diplomatic during the war in 1941–1945 (their forms, peculi-

arities, evolution). The main sources are the documents from I.V. Stalin's personal archive, V.M. Molotov, I. Maiskii files, Foreign Affairs agents, documents of the Communist Party of the USSR and NKVD. Some archival documents from the American side, namely from Joint Chiefs of Staff records, stored in the National Archives in Washington, D.C., are also involved.

Key words: World War II, the Big Three, military-diplomatic cooperation, personal contact.